

верно, как выводить, например, из «Воспоминаний в Царском Селе» «поворот молодого Пушкина к оде и к Державину» или, еще точнее, вводить знаменитую оду Гюнтера (1718) в основное русло его развития. В Германии никакого принципиального перехода к оде у Ломоносова совершиться не могло, потому что он живет там в обстановке, социально-бытовой и литературной, которая ничего общего не имеет с предпосылками одического творчества всерьез.

Как же представить себе его литературную позицию тех лет? На основании каких данных?

Есть два ценнейших прямых свидетельства. Оба общеизвестны, но оба недостаточно взвешены наукой.

В биографическом очерке (в изд. соч. Ломоносова 1784 г.), составленном по материалам Штелина, говорится: «От обхождения с тамошними студентами (NB! — Л. П.) и слушая их песни (NB! — Л. П.), возлюбил немецкое стихотворство. Лучший для него писатель был Гюнтер» (I, примеч., с. 58). Далее есть прямое свидетельство того же Штелина: «В особенности любил стихотворения Гюнтера и знал их почти наизусть» (I, примеч., с. 57). Итак, Ломоносов 1) знает хорошо всю современную ему немецкую поэзию; 2) в особенности ту, которая пользуется любовью студенчества; 3) в частности, любимца немецкой молодежи Гюнтера; 4) а также песенную студенческую поэзию. К этим прямым данным можно прибавить еще одно косвенное соображение. В 1739 г. надо писать официальную оду. Почему он берет в образец именно Гюнтерову оду 1718 г.? Очевидно потому, что он исходит из аналогии в ситуации, т. е. прекрасно знает, что для Гюнтера тоже эта ода была официальной, что она не в духе всего его творчества, что он, однако, так блестяще справился с задачей, что победил придворных поэтов на их же территории. Все это предполагает полное понимание поэзии Гюнтера и особую к ней любовь по аналогии в социальной судьбе. По-гюнтеровски у Ломоносова и получилось, потому что Хотинская ода так же относится к действительной литературной позиции Ломоносова в 1739 г., как ода 1718 г. к действительному направлению поэзии Гюнтера.

Все указания скрещиваются в одной точке: те стихи Гюнтера, которые особенно были популярны в студенческой среде, ближе всего определяют литературную позицию Ломоносова-студента. А за какие именно стихи Гюнтер стал любимым поэтом силезского (он сам был уроженец Силезии), саксонского (он учился в Лейпциге) и всего германского студенчества, мы знаем довольно точно. Прежде всего, за стихи о своей социальной судьбе, стихи такой потрясающей силы, каких потом до Шиллера в немецкой поэзии не будет. Гюнтер — это Sturm und Drang на более ранней стадии развития немецкого бюргерства. «О, невыразимое блаженство! — Я удостоился — За правду претерпеть стыд. — Пусть будет, что должно быть, — Пусть я подвергнусь мукам, — Врагу и